

УДК 821.14

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КОРАБЛЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на материале «Аргонавтики» А. Родосского и «Одиссеи» Гомера)
И. С. Макарова

EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE SHIP IN CLASSICAL LITERATURE
(the example of “Argonautica” by Apollonius of Rhodes and “Odyssey” by Homer)
I. S. Makarova

Настоящая статья посвящена изучению эволюции образного поля «корабль» в античной литературе на примере двух эпических поэм: «Аргонавтики» Аполлония Родосского и «Одиссеи» Гомера. Целью настоящего исследования является определение пути художественной трансформации образа корабля в античный период его существования, раскрытие специфических особенностей его бытования в мифах и литературных произведениях античного периода, а также анализ процесса зарождения новой художественной ипостаси этого образа – Летучего Голландца. Методы историко-культурологического и компаративистского анализа, использованные в рамках предложенного исследования, позволяют обнаружить сходство античного корабля с ветхозаветным Ноевым Ковчегом, а также наличие у этого образа характеристик, позволяющих считать его прототипом Летучего Голландца культуры Романтизма. Рассмотрение образного поля «корабль» в контексте изучения его эволюции в античной литературе, на материале классических текстов А. Родосского и Гомера позволяет сформировать более чёткое представление о природе одной из самых популярных художественных ипостасей мифопоэтического образа корабля – Летучего Голландца.

The given paper is devoted to the evolution of the image of the Ship in classical literature by the example of two epic poems: “Argonautica” by Apollonius of Rhodes and “Odyssey” by Homer. The paper aims at defining the way of the image’s artistic transformation in the classical literature, revealing the characteristic features of its functioning in classic myths and literary works, and analyzing the birth of a new artistic hypostasis of the Ship – the Flying Dutchman. Methods of historical and culturological analysis as well as the method of comparative research make the likeness of the ancient Ship and the Old Testament Noah’s Ark evident, also proving that the image of the Ship as it existed in the antiquity later on served as a prototype of the Flying Dutchman of the Romanticism epoch. The analysis of the classical antiquity Ship by the example of classical poems by Apollonius of Rhodes and Homer makes it possible to get a clearer picture of the world Ship’s most popular artistic hypostasis – the Flying Dutchman.

Ключевые слова: корабль, античность, Ноев Ковчег, Летучий Голландец.

Keywords: ship, antiquity, Noah’s Ark, Flying Dutchman.

Для античной культуры образ корабля как таковой является одним из наиболее значимых. Территориальные завоевания, торговые и культурные отношения, а также географические открытия осуществлялись исключительно на кораблях. По словам исследователя истории военного кораблестроения А. П. Шершова, «Греки и римляне могут считаться организаторами кораблестроения, так как выработанные ими образцы кораблей и тактические способы ведения морских операций перешли и в последующие за ними исторические эпохи» [3, с. 26]. Культурологический анализ трансформации образного поля «корабль» в античный период раскрывает его связь с двумя ставшими впоследствии классическими направлениями художественного воплощения морского судна в культуре стран Западной Европы – Ноевым Ковчегом и Летучим Голландцем.

В основе античного образа корабля во многом лежит миф о Всемирном Потопе, зародившийся в лоне шумеро-аккадской мифологии. Фрэйзер, в частности, указывает на две легенды о великой катастрофе, упомянутые древними учеными (Аполлодором и Лукианом) и связанные с античными царями Огигесом и Дарданом, между эпохами правления которых произошёл второй по счету, Девкалионов, потоп. Согласно обеим версиям, прародителем человечества является Девкалион, сын Прометея, правитель города

Фтия. Античное предание о таинственной ладье Харона, перевозящей души усопших через подземную реку Стикс в царство мёртвых Аид, также возможно рассматривать в качестве позднейшей трансформации деловиального мифа. Так, ковчег трансформируется в ладью – судно, при помощи которого осуществляется переправа из одного мира (затопленного царства греха/обители живых) в другой (благодатные земли праведников/подземное царство душ); мрачный старец, одетый в рубище – перевозчик почивших, чьи кости обрели покой в могиле, за плату в один обол, уподобляется шестисотлетнему Ною, дарующему успокоение избранникам, что оказались на борту его судна. Сходство обнаруживает и мотив чудесного растения, в одном случае знаменующего близость Нового Мира (листок оливы / оливковая ветвь), в другом, способного открыть путь в обитель мёртвых живому человеку (золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны).

В контексте предпринятого исследования, однако, гораздо больший интерес представляет этимология другой художественной ипостаси корабля, а именно Летучего Голландца, в основе которой среди многочисленных европейских фольклорных преданий, относящихся к гораздо более поздней исторической эпохе, лежат два античных мифа: о героическом плаваньи Ясона и не менее достославной одиссее царя Итаки, в значительной степени предопределивших

оформление в культуре Романтизма нового образа. В случае с Ковчегом и его античной интерпретацией очевиден факт исторической преемственности и культурологического переосмысления этого древнего образа в лоне античной цивилизации; что же касается Летучего Голландца, то здесь речь идет об эволюции мифопоэтического образа корабля, о формировании его новой художественной ипостаси, которая в дальнейшем получит свое развитие уже в рамках христианской культуры эпохи Великих географических открытий и позднее – в искусстве Романтизма.

Миф об аргонавтах является первым из четырех греческих мифов, рассказывающих о подвигах, совершённых объединёнными усилиями героев из разных концов страны. Судно, которому вместе с его прославленным экипажем суждено преодолеть немало невзгод на своём пути, являет собой первый героический корабль античности, в образе которого формируются ключевые характеристики аллегорического корабля-мира, иносказательно повествующего об извечном плавании людского рода по волнам всемирной истории. Одновременно Арго выступает в качестве прототипа одного из самых популярных в западноевропейской культуре кораблей – Летучего Голландца, в полной мере заявившем о себе лишь в эпоху Великих географических открытий.

Основные события мифа, происходящие за одно поколение до начала Троянской войны, подробно описаны в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика». Построенный выдающимся мастером Аргом при содействии Афины, Арго обладает волшебным свойством – в его корпус вставлен «дерева вещей кусок от священного дуба Додоны» [2, с. 241], шелестом листьев передающего волю богов: «Быстрый корабль ведь она создала, и работал с нейвместе / Арг, Арестора сын, по её трудясь указаньям // Вот почему и явился корабль кораблем наилучшим / Из кораблей, сколько б их ни ширяло на веслах по морю //» [2, с. 9]. Команды судна составляют великие эллины – прародители героев предстоящей Троянской войны.

В самом начале поэмы предстоящее плавание Ясона, от которого зависит возвращение отцу престола законного правителя Иолка, рисуется в трагическом свете предчувствия неминуемой беды, грозящей героям: «В сердце женщины каждой жало печали проникло / Отец же, старостью сломлен / ...Горько плакал на ложе //» [2, с. 17]. Ясон гонит прочь дурные знамения («И кораблю ты не будь предвещающей бедствие птицей //» [2, с. 19]), обращаясь к матери, оплакивающей его отплытие в далекую Колхиду; тревогой наполнено Аполлоново пророчество: «Все же и там, как и здесь, предстоят без числа вам тяготы» [2, с. 25]; тягостно расставание Аргонавтов с отчим домом: «Язон со слезами / Очи свои от родимой земли оторвал //» [2, с. 29].

«Скорбный плаванья труд» [2, с. 3] пролегает через три моря, первым из которых является Эгейское: «Пену то здесь извергало, то там темноцветное море / Страшно кипя и бушуя под силой мужей многомошных // Нёсся корабль, и сверкали под солнца лучами, как пламя / Снасти его, и за ним непрерывно след белый тянулся // [2, с. 31]. Остров Лемнос, надолго задерживает героев в объятиях правящих на нём жен-

щин, грозя им никогда не достичь цели, ради которой было предпринято плавание: «Так и тянулася день изо дня отсрочка отплытья / И, оставаяся там, они бы промедлили долго / Если б героев Геракл не собрал, отведя их от женщин... // [2, с. 47].

Аполлоний Родосский продолжает повествование о полном опасностей плавании Аргонавтов описанием коварной ловушки, в которую попадает корабль в водах Мраморного моря: «...Но с приходом ночи не прежним стал ветра напор, и порывом противным / Неудержимо назад относило корабль... //» [2, с. 53]. В грозный поединок под покровом ночи, не распознав мореплавателей, которых он радушно принял накануне, вступает народ долионский: «А на заре увидали и те и другие ошибку / Страшную, непоправимую... //» [2, с. 55] – «После того бушевали жестокие бури в течение / Целых двенадцати дней и ночей и мешали им снова / В плаванье выйти //» [2, с. 57].

Вновь пустившись в путь, корабль мчится к своей цели посреди полного штиля, движимый невероятной силой великих мужей: «Вверясь безветрию, вдаль все и вдаль подгоняли герои / С силой корабль // И его, что по морю летел, не могли бы / Даже и равные вихрю догнать Посейдоновы кони //» [2, с. 61]. Перед самым выходом в третье, Чёрное, море, эллинов поджидает новая опасность: «Чёрные две узрите при самого моря теснинах / Между коих никто проскользнуть не мог безопасно... //» [2, с. 89] – «Страх ужасный тогда охватил без изъятя / Всех. Ведь над их головой неизбывная гибель нависла //» [2, с. 103]. Следуя пророчицанию встреченного путниками Финея, согласно которому пройти меж движущихся скал возможно лишь вслед за голубкой, что сможет проскользнуть невредимой, поддерживаемые волшебной силой преданной им Афины, Аргонавты продолжают плавание: «Чаю, что с помощью лишь самого корабля мы остались / Цели! //» [2, с. 103] – восклицает Тифис. Словно заколдованное от всяких бед судно следует заданному курсу: «Не ему быть разбитым!» [2, с. 103].

Аполлоний Родосский вкладывает в уста своего героя слова грозной исповеди, полной страшных предчувствий, которая и задает тон последующим событиям: «Я погрешил, я навлек ведь беду непоправную, злую // Надо было бы мне, когда свой приказ давал Пелий / Сразу же отклонить поход этот, если бы даже / Суждено было мне на части разрубленным сгинуть! // Ныне же страх необъятный и впрямь невыносимые скорби / Переносу страха полн, и пред тем, что дорогой ужасной / По морю надо плыть, страха полн, и когда нам на сушу / Надо будет сходить. Везде ведь враждебные силы таятся! // Так прошло, что за днем всю ночь в стогах я провождаю... //» [2, с. 105]. Трагическую ноту продолжает и внезапная гибель кормчего Тифия: «В безнадёжности полной у берега моря простёршись / И, с головою себя закутав в одежды, про пищу // И питьё позабыли они, но печалью снедали / Душу свою, ибо вся на возврат минувала надежда //» [2, с. 117].

В дальнейший путь Арго пускается словно птица, с удивительной скоростью преодолевающая пространства: «...И ладья понеслася / По морю быстро, как быстрый по воздуху сокол несётся, – / Крылья отдав свои ветра дыханью и их не колебля / Взмахом на

них распростёртых парит он средь высей небесных... //» [2, с. 119]. Мотив волшебной птицы продолжает и следующий эпизод, связанный с очередным испытанием: на острове Аретиада «Тут они над собой увидали Арееву птицу / В воздухе что парила, – её, того края жилицу // Крыльями поколебав над ладью, внизу пробегавшей / Острое вдруг перо она скинула //» [2, с. 125]. Вновь образ птицы возникает в сцене совета героев Эллады – добрым знамением удачного исхода плавания за руном становится появление голубя на борту корабля: «Робкая сразу голубка, от ястреба силы спасаясь / Вся трепеща, с высоты на грудь Эзопада упала / Ястреб же рухнул на хвост кормовой корабля //» [2, с. 166 – 167].

Роковым событием всего морского похода Аргонатов за золотым руном, предопределившим их дальнейшую судьбу, становится вероломное убийство Ясоном брата Медеи: «Их же обьял злой ужас, когда стал их слуху понятен / И тот глас, и гнев, лютей гнев бога Зевса. Вещал им / Дуба обрубок, что им не избыть ни трудов среди моря / Ни грозных бурь до тех пор, пока пролитуя жестоко / Кирка не смоев кровь с них Апсирта //» [2, с. 241]. Счастливым образом достигнув обители волшебницы Кирки, смывшей кровь убитого с рук Ясона, но отказавшейся помогать Аргонатам в их скорбном пути к родному дому, мореплаватели сталкиваются с чередой страшных испытаний: сладкоречивыми сиренами («Скоро остров прекрасный / Увидали цветущий они, на котором певучий / Сонм Сирен, дочерей Ахелоя, приятною песней / Слух людской чаруя, губил всех, бросавших причалы //» [2, с. 255]); разрушительными Сциллой и Харибдой («Скорбью томясь, дев Сирен минова, шли вослед еще горшим / Муже-герои препонам судов на распутьи моря // Скиллы здесь скала им глазам их являлась крутая / Там же сплошной шум стоял от Харибды, вверх мечущей воду // Дальше из-под волны от скал шло «Бродячих» гуденье... //» [2, с. 257]); девятидневным штормом («Но пока еще не было роком / Суждено, чтоб герои ступили на землю Ахеи / Раньше ещё им в краю пострадать предстояло Ливийском //» [2, с. 273]).

Последним и, пожалуй, самым трудным испытанием для храбрых эллинов становится пребывание в мертвом заливе: «Тут, подхватив их вдруг, злой порыв Борей по морю / Посередине его, по Ливийскому, не переставая / Девять ночей и столько же дней носил их, покуда / В Сирту они не вступили, во внутрь её, где нет возврата... //» [2, с. 273]. Кормчий Анкей прорицает гибель судна, утратившего всякую надежду на возвращение к родным берегам: «Губит ужасный нас рок, и нет ниоткуда спасенья! // Предстоит наилютых нам бремя горестей сведать... //» [2, с. 275]. Из всех испытаний, выпавших на долю эллинских мужей, последнее оказывается наиболее суровым, лишая героев последней надежды на возвращение: «Оледенело / Сердце у всех, разлилась по ланитам их желтая бледность // Как порой, бездушным подобные теням, по граду / Бродят без цели толпы людей... // <...> Так и герои теперь на берегу бесконечном в унынье / Тихо бродили // <...> И обернув плащами себе свои головы, тихо / Натощак и еды не вкушая, лежали и ночь всю / И напролет весь день, умереть дабы жалкою

смертью //» [2, с. 277]. Лишь жертва, принесённая богу, способна снять проклятие с корабля: «Тут приказал Орфей большой Аполлона треножник / Сняв с корабля, посвятить богам местным ради возврата... //» [2, с. 289]. Следуя мудрому совету, Ясон возносит молитву: «Милостив будь и даруй возврат нам, сердцу желанный» // Молвил, и вслед за молитвой он, горло овце перерезав / Бросил её с кормы прямо в воду //» [2, с. 291].

Заключительным эпизодом морских злоключений Аргонатов становится встреча с грозным медным великаном с острова Крит, подстерегающим путником в самом конце их плавания: «Но не давал им Талос медяный, куски в них кидая / Крепкой скалы, к земле подойти и, закинув / Под защиту стать корабельной стоянки... //» [2, с. 295]. И вновь Ясон вынужден смирить свою гордыню и вознести молитву богам: «Тут Язон, свои руки / К небу воздевши, взывать из всех сил начал к Фебу владыке / О спасенье моля. И из глаз удрученного слезы / Капали... //» [2, с. 297]. С успехом преодолев последнее испытание, участники героического плавания во главе со своим капитаном, чья самоуверенность уступила место смирению, с ликованием ступают на «берега Пагасейские» [2, с. 301].

Мотив проклятия, нависшего над кораблем по вине капитана и не позволяющего судну вернуться на родину продолжает развиваться и в другом древнегреческом мифе – о злоключениях царя Итаки на его пути из Трои после окончания великого сражения. Одиссей Лаэртид, что «изобретением многих хитростей славных и громкой молвой до небес вознесённый» [1, с. 129] во многом являет собой героя нового типа: с одной стороны это храбрый муж Эллады, отчаянно борющийся за отстаиваемые идеалы; с другой – это личность, преследующая собственные интересы и ради достижения своей цели готовая на предательство. Одиссей – герой, стремящийся выжить любой ценой: вопреки сложившимся обстоятельствам, вопреки божественному предназначению, вопреки собственной судьбе.

Кораблям, на которых прославленный царь Итаки и его команда возвращаются к отчему дому, предуготовано проделать поистине скорбный путь. Рассказ о злоключениях, что постигли его на пути в родную Итаку, Одиссей начинает во время пира у Алкиноя, повествуя о девяти испытаниях, посланных разгневанными на своевольного правителя богами. Повесть о «странствии трудном» [1, с. 130] героя великой битвы начинается с рассказа о жестокой расправе, которую Одиссей вместе со своими воинами учинил над жителями Исмара: «...Град мы разрушили, жителей всех истребили // Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много... //» [1, с. 130]. Во время битвы, последовавшей после прибытия в город подмоги, Одиссей потерял «по шести броненосцев отважных» [1, с. 130] – сражение с киконами, прогневившее Зевса, стало причиной проклятия, посланного верховным богом на корабль Одиссея: «...Нам сделалось явно, что злую / Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион //» [1, с. 130]. Пустившись в дальнейший путь к Итаке, мореплаватели дважды сталкиваются с ужасным штормом, что гонит их суда прочь от верного курса: «Мчались суда, погружаясь в волны носами;

ветрила / Трижды, четырежды были разорваны силою бури // Мы, избегая беды, в корабли их, свернув уложили // Сами же начали веслами к ближнему берегу править // Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи / В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца //» [1, с. 131]; во второй раз «раздражённая буря» [1, с. 131], что в течение девяти дней терзает суда, относит корабли Одиссея в край лотофагов «пищей цветочной себя насыщающих» [1, с. 131], где мореплавателям, вкусившим лотоса, грозит полное забвение своей родины. Силой вернув соплеменников «сокрушённых сердцем» [1, с. 132] на корабль, Одиссей ведёт свою флотилию вперед.

Следующее испытание ожидает храбрых воинов в стране «сильных, свирепых, не знающих правды циклопов» [1, с. 132]. Поддавшись любопытству и жадности, не желая прислушаться к разумным речам товарищей, Одиссей остаётся в пещере людоеда-циклопа Полифема, сына Посейдона: «Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши / Даст нам подарок...» [1, с. 135]. Потеряв шестерых спутников, съеденных великаном, Одиссей хитростью одерживает над ним победу, но обрекает себя на проклятие Посейдона, о котором просит отца Полифем: «...Не дай, чтоб достигнул / В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртос / Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же / Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой / Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился / Дай, чтоб во многих напастях, утратив сопутников, поздно / Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе» [1, с. 144 – 145]. Дважды Одиссей испытывает судьбу, горделиво смеясь над ослеплённым циклопом, ставшего жертвой его хитрой проделки – дважды его кораблям грозит гибель от камней, что бросает в море Полифем. По достижении безопасного места Одиссей приносит жертву Зевсу Крониду, дабы вымолить у него прощение и снять заклятие: «Но отвергнув он жертву / Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я / Спутников крепкозданных лишился //» [1, с. 145].

Новые преграды на пути к дому ожидают бесстрашных мореплавателей на острове, хозяином которого является «благородный, богами любимый» [1, с. 146] Эол. Гостеприимный хозяин в подарок Одиссею преподносит «мех с заключенными в нем буреносными ветрами» [1, с. 146], а в спутники дает Зефира, что поможет кораблям скорее добраться до родного берега: «...Но домой возвратиться / Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли //» [1, с. 146]. На десятый день после отплытия с острова путникам становятся видны знакомые поля Итаки, однако зависть к Одиссею, которого так богато одаривали все, с кем бы он ни повстречался на своем пути, побуждает их открыть подаренный Эолом мешок в надежде, что там окажется золото. Вырвавшись на свободу, ветра относят корабли назад к Эолову острову. Осознав, что над Одиссеем и его людьми тяготеет проклятие богов, Эол отказывает им в помощи, тем самым обрекая мореплавателей на дальнейший мучительный путь домой: «Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен» [1, с. 148]. С тяжелым сердцем отправляются мужи Итаки в дорогу,

горько раскаиваясь в собственной глупости, из-за которой лишились попутного ветра: «...Утомяся от гребли, утратили бодрость / Помощи всякой лишённые собственным жалким безумством //» [1, с. 148].

Страшные потери несет Одиссей многославный в стране лестригонов, подобных гигантам: «С крути утесов они через силу подёмные камни / Стали бросать; на судах поднялася тревога – ужасный / Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных / Спутников наших, как рыб нанизали на колья и в город / всех унесли на съеденье //» [1, с. 149]. С тяжелым чувством утраты Одиссей и оставшиеся в живых товарищи отправляются прочь от страшного острова царя лестригонов Антифата. На пути воинов – обитель «прекраснокудрявой богини» [1, с. 152] Церцеи. Поддавшись сладким чарам богини и вкусив отвратительные ея яства, путники теряют человеческий облик, превращаясь в свиней. При содействии Гермеса Одиссей возвращает прежний вид своим воинам, однако сам поддается сладкоречивой богине, погружаясь в сладостное забвение. Спустя год взывает к царю Итаки его преданная дружина: «Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать / Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть / Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних» [1, с. 160]. Внемля речам товарищей, Одиссей просит Церцею отпустить его корабли и указать путь к скалистой Итаке, однако богиня велит герою отправиться в Аид на поиски провидца Тересия, который единственный знает исход плавания Одиссея: «Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль / Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься» [1, с. 162]. С тоскою в сердце, проливая обильные слезы, мореходы собираются в царство мертвых.

Объятый ужасом Одиссей многоумный внимает речам фивского провидца: «Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь / Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса / Если же руку подымеешь на них, то пророчу погибель / Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избежнешь / Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море / Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь...» [1, с. 167] – таково предсказание почившего пророка, предвещающего герою троянской битвы тихую старость лишь после долгого морского паломничества, которое ему предназначено совершить после прибытия на родину: «...Покинув / Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься / Странствовать снова и странствуй, куда людей не увидишь / Моря не знающих... // В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу... // И смерть не застигнет тебя на туманном море; спокойно и медленно к ней подходи, ты кончину / Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным / Счастьем богатый //» [1, с. 167 – 168]. Беседуя с душами умерших, Одиссей рассказывает им о нависшем над его кораблями проклятии и о невозможности пристать к берегам каменистой Итаки: «В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны / Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую //» [1, с. 178].

Двенадцатая песнь поэмы Гомера повествует о трагическом завершении плавания ахейских мужей во главе с Одиссеем богоравным. Вслед за Аргонавтами

чернобокому кораблю царя Итаки предстоит пройти мимо серен, что «...неизбежно чарой ловят они подходящих к ним близко людей мореходных //» [1, с. 185], миновать страшную Сциллу и выстоять против божественной Харибды. Страх леденит душу мореплавателей при виде чудовищ, подстерегающих судно на пути к дому, судьба шестерых лучших ахейцев предрешена: «Так трепетали они в высоте, унесённые жадною Скиллой // Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих / Громко и руки ко мне простирающих в лютот терзанье // Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне / Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось //» [1, с. 191]. Однако главное испытание ожидает воинов впереди: «Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды» [1, с. 191] они пристают к острову «светосного бога» [1, с. 193] Гелиоса, где, поддавшись искушению отведать сочного мяса, убивают священных коров из стада Гелиоса, за что Зевс карает их смертью – «...Я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой / В море широком на мелкие части разбить не замедлю //» [1, с. 195]. Сын Лаэрта, как и было предсказано Цирцеей, оказывается единственным уцелевшим после кораблекрушения – его печальный удел в одиночестве искать путь домой: «Если же руку подымеешь на них, то пророчу погибель / Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избегнешь / Смерти; но всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну //» [1, с. 188]. В течение девяти дней Одиссей пребывает посреди бушующего океана, пока, наконец, не обретает пристанище на острове нимфы Калипсо.

Композиционная структура поэмы Гомера такова, что о дальнейших скитаниях Одиссея читатель узнает из первой части произведения, в частности песни пятой, в которой повествуется о длительном плене Одиссея на острове нимфы: «Он одиноко сидел на утесистом берегу, и очи / Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей / Жизнь для него в непрестанный тоске по отчизне...//» [1, с. 79]. Получив столь желанную свободу и возможность вернуться в Итаку, Одиссей вновь отправляется в полное опасностей морское плавание – на этот раз на плоту, выстроенном по совету Калипсо. Ничто не способно остановить хитроумного: «...Когда бы сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает / Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой... //» [1, с. 81]. Неотступно преследуют Одиссея несчастья – боги не желают его возвращения к родным берегам: так земли Колебатель Посейдон, обрушивает бурю на плот героя: «...”Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить” // Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем / Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикливав / Ветры противные; облако тём-

ное вдруг обложило / Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь //» [1, с. 83]. Лишившись плота, Одиссей вплавь добирается до суши, три дня проведя в открытом море; однако и здесь его ждёт испытание – не тихую заводь видит перед собой ахеец, но отвесные скалы, о которые бьют грозные волны: «Горе! <...> К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ; // Острые рифы повсюду; кругом, расшибаясь, блещут / Волны...//» [1, с. 87]. «В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он / Если б отважности в душу его не вложила Афина //» [1, с. 88] – обретая новые силы, Одиссей доплывает до устья реки, где забывается от усталости. Борясь с разбушевавшейся стихией, не раз Одиссей сожалеет о том, что не погиб под стенами Трои; не единожды произносит он слова раскаяния в содеянных проступках и возносит молитвы богам: «”...Сжался, могучий, подай мне защиту” // Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил / Волны...//» [1, с. 88]. Однако дом остается по-прежнему далёк от Одиссея.

Финал десятилетнего плавания великого воина изложен Гомером в заключительной части поэмы, в тринадцатой песне. На славном корабле царя феаков Алкиноя Одиссей, погружённый в сладостное забытие, мирно завершает обратный путь в Итаку: «Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды / Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный //» [1, с. 200].

В образе многоумного Одиссея немало черт, которые позже найдут свое дальнейшее художественное развитие в образе Летучего Голландца эпохи Романтизма: строптивый характер самоуверенного гордеца; мотив ожидания сына/мужа/отца его семьей; страстное желание странника вновь ступить на родную землю; рок, нависший над кораблем и обрекающий его на вечное плавание; мотив искреннего раскаяния в содеянных грехах и т. д.

Приведённый выше анализ функционирования образа корабля в античной литературе на примере двух эпических поэм, свидетельствует о художественной трансформации этого мифопоэтического образа. Отныне морское судно выступает в качестве символа испытания/наказания, ниспосланного на человека, провинившегося перед богом, разгневавшего высшие силы. Судно, что бесконечно терпит бедствия и безнадежно стремится пристать в родном порту, становится чистилищем для того, кто ставит себя выше бога, не желая усмирить свою гордыню. Таким образом, именно в лоне античной культуры, в ее мифах и литературных памятниках, зарождается новая художественная ипостась корабля – Летучий Голландец, – один из трех (наравне с ветхозаветным Ноевым Ковчегом и позднесредневековым Кораблем Дураков) ключевых концептов западноевропейской культуры.

Литература

1. Гомер. Одиссея / Гомер [пер. с др.-греч.] В. А. Жуковского. – СПб.: Лениздат: Команда А, 2012. – 384 с.
2. Родосский, А. Аргонавтика / А. Родосский [пер. с др.-греч.] Г. Ф. Церетели. – Тбилиси: Мецниереба, 1964. – 238 с.
3. Шершов, А. П. История военного кораблестроения. С древнейших времен и до наших дней / А. П. Шершов. – СПб.: Полигон, 1994. – 360 с.

Информация об авторе:

Макарова Инна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков НИУ Высшей Школы Экономики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 8 911 123 55 04, inna-makarova@mail.ru.

Inna S. Makarova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Herzen State Pedagogical University of Russia.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2013 г.